

2022

№ 4

ISSN 1605-6590 (print)
ISSN 2500-4298 (online)

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Журнал
**РОССИЙСКОГО
ПРАВА**

Journal

OF RUSSIAN LAW

- Конституционно-правовые ориентиры антикоррупционной деятельности
- Искусственный интеллект как фактор трансформации правопорядка модерна
- Наука международного частного права: истоки изучения в России

УДК 34:061.6

DOI: 10.12737/jrl.2022.047

Персоналистские размышлизмы, навеянные воспоминаниями о жизни Института законодательства советского времени

Валерий Васильевич Лазарев

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, lazarev@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0910-0609>

Для цитирования. Лазарев В. В. Персоналистские размышлизмы, навеянные воспоминаниями о жизни Института законодательства советского времени // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 4. С. 147—152. DOI: 10.12737/jrl.2022.047

Personalistic Reflections Inspired by Memories of the Life of the Institute of Legislation of the Soviet Era

Valeriy V. Lazarev

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, lazarev@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0910-0609>

For citation. Lazarev V. V. Personalistic Reflections Inspired by Memories of the Life of the Institute of Legislation of the Soviet Era. *Journal of Russian Law*, 2022, vol. 26, no. 4, pp. 147—152. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.047

Институт законодательства пишет свою историю. 100 лет — много или мало, старый или молодой? Сойдемся на среднем возрасте. Принципиально то, что он продукт советского времени и не имеет дореволюционной истории. Законы в Российской империи были, и великие систематизаторы законов были, а специального учреждения, которое бы занималось изучением законодательства или, тем более, его проектированием, научным сопровождением и т. д., не было. Да и начинали Институт с более узкими целями, фактически сводимыми к изучению преступника и причин преступности. При этом с профилем определились не сразу: вначале при НКВД РСФСР, потом передали в ведение Верховного Суда СССР, Прокуратуры СССР и Наркомюста РСФСР, а в 1936 г. преобразовали во Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН), подчиненный

Наркомюсту СССР (позднее — Минюсту СССР). Вполне оправданно вести настоящую историю с 1963 г., когда ВИЮН переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (ВНИИСЗ). В 1988 г. он переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт советского государственного строительства и законодательства и передан в ведение Верховного Совета СССР, но в этом качестве имел недолгую жизнь. Закончилась история СССР. С 1993 г. Институт подчинен Правительству Российской Федерации с возложением на него обязанностей по проведению исследований в области правового обеспечения деятельности Правительства и научной проработке законопроектов, вносимых Правительством в порядке законодательной инициативы.

В многочисленных реорганизациях можно заподозрить субъектив-

ный фактор. Однако были и объективные предпосылки. Не случайно многие в Институте понимали законодательство широко, включая сюда и правительственные нормативные акты. Кроме того, принималось во внимание, что в европейских парламентах подавляющая часть законов разрабатывается и вносится правительством. Представляется, что в перспективе будут оправданы ориентации на надлежащий охват и других источников права, к чему будут причастны Конституционный Суд и Верховный Суд.

Как бы то ни было, юбилейная дата позволяет сказать, что Институт имеет свою достаточно богатую историю. И не только своим статусом или своими переездами по Москве (лучшие виды открывались на Кремль с Моховой и от Дома на набережной). Архивный историк откапывает солидные опубликованные и неопубликованные труды, открывает нормативные акты собственно институтского производства, проследит этапы организационного развития и развития научных идей. Социолог свяжет эти этапы с общественно-политическим развитием страны. Но историю делают люди, они создают в коллективе климат, благоприятный или невыносимый для сотрудничества. Поэтому оправданно поделиться воспоминаниями о совместной работе и об общении с известными сотрудниками Института.

Оговорюсь, не будучи историком, не ведя дневников, не роюсь в архивах официальных (в архивах собственной памяти уже мало что остается), могу рассчитывать только на экзистенциалистское изложение своего восприятия Института, в котором в полной свободе неожиданно оказался несколько лет назад. Стажировку прошел здесь сразу после защиты кандидатской диссертации.

Наверное, я должен считать себя МГУшным. Два года целевой аспирантуры, обе успешные защиты, восторженное отношение к кори-

феям, среди которых были не только те, кто проявил себя в Институте красной профессуры или оставался на кафедрах еще с дореволюционных времен, но и талантливая молодая поросль сурового военного времени. Руководил факультетом совершенно не чиновный профессор Д. С. Карев, отличавшийся живостью характера. Да и многие другие не уступали ему в этом. Однако с факультетом не сложилось родства. И все потому, что коллективная жизнь значительно уступала родной казанской, а обстановка во ВНИИСЗ, наоборот, ее напоминала.

Институт законодательства по духу оказался значительно ближе по простоте жизни и отношению между сотрудниками. Недавно, оказавшись на Плющихе, пытался вспомнить то место, где стоял деревянный двухэтажный дом, в котором располагались сотрудники. Не нашел, но поностальгировал. Как известно, в кабинетах, отделанных мрамором, теряется теплота общения, а здесь был общий холл под деревянной лестницей. Впрочем, какое-то время руководство Института пребывало в красивом доме на Кутузовском проспекте, куда я пришел представиться в качестве стажера. Не без трепета пообщался с И. С. Самощенко, издавшем тогда в соавторстве с М. Х. Фарукшиным известную монографию об ответственности по советскому законодательству (Мидхат Фарукшин был моим предшественником по целевой аспирантуре, но в КГУ не вернулся). Уже тогда мог заметить деловой стиль и деловую сущность профессора Самощенко, которому, как мне представляется, не свойственно было иронизировать или шутить, как, например, В. А. Туманову или В. И. Никитинскому. Однажды он весьма своеобразно и тоже серьезно отреагировал на тему диссертации по пробелам в праве: «Я бы не дал своему аспиранту». Он не допускал риска для молодого ученого. А риск был очевидный — аспирант

С. Ф. Кечекьяна вынужден был менять тему и, кстати, Степан Федорович заботливо предупреждал меня об этом.

Ивану Сергеевичу я обязан тем, что он, будучи директором ВНИИСЗ и членом Ученого совета юрфака МГУ, представлял мою докторскую диссертацию, а впоследствии как заместитель Министра юстиции СССР утвердил комплексную тему научных исследований юридического факультета Казанского университета (тогда я в качестве заместителя декана утверждал ее и у заместителя председателя Верховного Суда). Он мог посмотреть и утвердить, но состоялся серьезный для ученого из провинции научный разговор. Уже после развала СССР мне посчастливилось неформально пообщаться с профессором Самощенко в Минюсте России. Человек дела. Хотя дело его — Свод законов — осталось незавершенным и непродолженным. Как тут не быть пессимистичному восприятию мира?

Трагизм первой встречи с Институтом состоял в том, что он не имел для командированных жилья. А я не имел денег на гостиницу. Общение с заместителем директора по хозяйственной работе И. Лафитским (отцом будущего заместителя директора Института В. И. Лафитского), который отнесся ко мне с пониманием, ничего не дало. Помог «бедному крестьянину» научный руководитель — Андрей Иванович Денисов. Его ученик, будучи помощником министра образования, подписал у шефа мое заявление с просьбой поселить в общежитие МГУ. Надо было видеть проректора МГУ и его улыбку, когда я пришел на прием с таким заявлением (с такой резолюцией!). Но место все-таки получил — в новом Доме студентов в Черемушках. Вот преимущества советского времени: никакой коррупции, поддержка ученика, уважение к учителю, создание условий для страждущего в науке.

Почему я определил Институт в качестве места стажировки, почему не МГУ, где защитил диссертацию? Все просто: там кафедра теории государства и права занималась государством, а мои интересы лежали в плоскости права и законодательства. Здесь работали именитые теоретики «гнезда Н. Г.», того самого Н. Г. Александрова — в советское время теоретика права номер один, который ранее тоже работал в Институте, а в то время уже возглавлял кафедру трудового права в МГУ. Многие преклонялись перед его авторитетом, а я ему безмерно благодарен. Профессор Александров многим ученым дал путевку в науку. Он был моим оппонентом по кандидатской диссертации, и в этом качестве я общался с ним. И даже как-то неформально. В те годы были замечательные условия для общения молодых со знаменитостями. Банкетная процедура была как бы очевидной, хотя далеко не все могли ее позволить. Приглашаю оппонента на банкет в ресторан «Будапешт». Вопрос: «Машина будет? А коньяк?». Помнится, армянский коньяк три звездочки был закуплен в магазине, но товарищ с портфелем опаздывал к началу и на столе оказалась только одна бутылка, а Н. Г., как сейчас вижу, сразу налил в фужер на весь вечер. Я переволновался больше, чем на защите.

На защите был практически спокоен. Мой руководитель профессор А. И. Денисов решил, что надо просить выступить в качестве оппонента именно Александрова. Если он скажет «да», то результат будет очевидным. Надо заметить, что корифеи (руководитель и оппонент) конкурировали в статусе главных теоретиков. А тема диссертации, посвященная пробелам в праве, была на уровне запретной. Предварительно справиться об отношении Н. Г. к возможному оппонентству отважилась доцент Ядвига Станиславовна Михалюк (наверное, самая красивая тогда среди юристов женщина). С Н. Г.

они дружили. Он был кумиром многих женщин, что естественно, поскольку профессор в свободное от работы на кафедре время дирижировал оркестром в академическом театре. В порядке анекдота рассказывают, что, будучи в гостях, знакомая семья обратила внимание на красивый диван и посоветовала выкинуть его, намекнув на известность его у артисток. «Дорогая, — ответила жена, — в таком случае я вообще оставалась бы всегда без мебели».

Кстати, в МГУшном жилище мебель была казенная. Столы, диваны и кресла в сталинском стиле, основательные, как у Собакевича. Профессорам дали квартиры в отдельном корпусе высотного здания МГУ. В составе группы учеников Н. Г. я потом еще раз побывал в этой квартире, навещая вдову Николая Григорьевича вместе с И. С. Самощенко, А. В. Мицкевичем, А. С. Пиголкиным и В. М. Горшеневым (мой научный руководитель в студенческие годы).

Цель стажировки состояла в ознакомлении с новейшими материалами, отражающими планы совершенствования законодательства и в непосредственном общении с мэтрами. Центром такого общения был Сектор совершенствования законодательства, которым руководил А. В. Мицкевич. Тогда у него вышла книга «Акты высших органов Советского государства», и в 1968 г. защищена диссертация на эту тему. Но следует отметить, что им признавались и иные источники права, вплоть до судебной практики и доктрины. Исходная позиция сектора, а ее разделял и А. С. Пиголкин, который вскоре стал заведовать сектором, состояла в том, что правотворчество охватывает два этапа: формирование права и собственно правотворческую деятельность соответствующих субъектов. В русле секторальных интересов мне поручено было сделать доклад о роли судебной практики. Принято было слушать гостей. Сегодня на заседа-

ния к теоретикам редко приходят отраслевики. Тогда это было едва ли не нормой. Полагаю, что именно теоретики спровоцировали, например, В. И. Никитинского писать об эксперименте, а теоретики вдохновлялись исследованиями отраслевиков, когда писали об эффективности правового регулирования.

Среди других докладу оппонировал В. М. Сырых, который как раз пришел работать сюда по окончании аспирантуры. Дружески оппонировал, поскольку потом, как он сейчас припоминает, мы вместе возвращались к метро. Тесное общение с ним сложилось впоследствии, поскольку Владимир Михайлович основательно включился в разработку методологии юридической науки, что всегда остается для теоретика ключевым вопросом.

Мне казалось, что уже тогда я познакомился с Генрихом Трофимовичем Чернобелем (в редакции журнала «Советское государство и право») и Ревелем Михайловичем Романовым (ошибся в датах), в последующем Ученым секретарем Института. С ним потом, когда он тихо «тянул свою ляжку», имея большую педагогическую нагрузку, занимал один стол на кафедре теории государства и права МГЮА. Он уже не проявлял особой активности. А мне должность Ученого секретаря представлялась такой, которая по сути является деятельной и не отпускающей в последующем. В качестве примера сошлюсь на другого Ученого секретаря ВНИИСЗ — Владимира Петровича Божьева, с которым соавторствовал и участвовал в организации ряда мероприятий. Долгое время он входил в экспертный совет ВАК и во все научно-экспертные советы высших практических органов юстиции.

Цифровая эпоха накрыла Институт в первое десятилетие текущего века. Но какие-то озимые всходы появлялись раньше. Именно в Институте. Вначале был создан сектор информационно-поисковых языков,

потом его преобразовали в отдел правовой информации, а далее появился Научный центр правовой информации. Это было уже серьезно, и с участием С. С. Москвина и под его руководством в Научном центре правовой информации ВНИИ советского законодательства занимались разработкой автоматизированной информационной системы нормативных актов, практической организацией государственного учета нормативных актов СССР и союзных республик. А начинали с примитивного. Помнится, Марина Семеновна Студеникина демонстрировала мне какие-то схемы, согласно которым машина могла рассчитывать размеры пенсий.

Информация о самых разных предложениях по совершенствованию законодательства систематизировалась и хранилась в шкафах в специально отведенной комнате. Лазарев выискивал там указания на имеющиеся пробелы. Сегодня компьютер позволяет держать в поле зрения и судебную практику, и литературу, но, как представляется, было бы все же целесообразно иметь сервер, на который стекались бы все предложения о совершенствовании правового регулирования, о прецедентных решениях. Просматривалась бы и новизна, и первенство авторов в их выдвижении.

Ловлю себя на мысли, что многое путное, что в себе имею, так или иначе навеяно общением с умными людьми, в том числе многими работавшими в Институте. Увы, некоторые из них ушли в мир иной, как, например, В. Ф. Яковлев (обсуждал и подписывал у него договор о сотрудничестве Института с Академией МВД), В. П. Мозолин (разрабатывали Устав города Москвы), А. Л. Маковский (трудился над проектом закона о гражданстве), А. Б. Венгеров (работали над альтернативным проектом Конституции РФ), Ю. П. Орловский (дружили семьями). В плане правового обеспечения деятельности Конституционного Суда имело

место сотрудничество с В. А. Тумановым и Л. А. Окуньковым, бывшим в то время директором Института. Особенно памятью принятие постановления Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации», когда вместе со мной позицию Государственной Думы представлял В. М. Сырых, а в качестве эксперта ее поддерживал А. С. Пиголкин.

Тесные творческие и человеческие отношения складывались с А. В. Мицкевичем и А. С. Пиголкиным. С Алексеем Валентиновичем жили на одной улице, ходили в один магазин (я забегал к нему домой) и едва не оказались в одном гаражном кооперативе (хотя машин и даже водительских прав, кажется, не было тогда ни у того, ни у другого). С Альбертом Семеновичем прошли по снежному Хотю-Тау в Приэльбрусье (хотя и в разное время). Ему я признателен за ту «спасательную операцию», которая случилась в октябре 1977 г. Скорпостижно перед защитой скончался мой официальный оппонент Александр Филиппович Шебанов (тоже из «гнезда Н. Г.»). Профессор А. С. Пиголкин заместил его в срочном порядке.

Надо ли говорить, что с профильным сектором (отделом) складывались творческие отношения, вплоть до работы на полставки в то время, когда им руководили А. Г. Хабибулин и Н. А. Власенко. Я вовлекался в подготовку секторальных работ, учебника под редакцией А. С. Пиголкина, написание отзывов и оппонирование (был оппонентом по кандидатской диссертации В. В. Лапаевой, которая тогда работала в Институте). Ярким показателем близкого сотрудничества явилось включение меня в состав большой бригады сотрудников, командированных в Минск с целью обеспечить научное сопровождение перестройки в сфере законодательства. О результатах можно прочесть в изданной

потом книге. Впоследствии, уже в новую эру Института, можно отметить привлечение к выездным конференциям молодых ученых, способствующим преемственности идей и институтских традиций.

Уже сказанное вполне объясняет, почему свою аспирантку, Талию Насырову, защищать кандидатскую диссертацию я привел именно во ВНИИСЗ. Тема была новая, никем не освещенная, по тем временам тоже недиссертательная, как и пробелы в праве. Долгое время я оговаривался в названии и пропагандировал «Талиологическое толкование права». А многие и теперь путают с теологическим толкованием. Насколько оправданным и перспективным оказался этот «привод», судить читателю, а за собой оставляю право на лирическую повесть. Ученый совет возглавлял С. Н. Братусь, и я в какое-то время входил в его состав. Там вместе с теоретиками было много сильных цивилистов, что всегда благотворно сказывается на общении и развитии юридической науки. Кстати, Сергей Никитич входил одно время и в состав сектора теории. Но близко с ним мне посчастливилось общаться в Звенигороде во время продолжительной вечерней прогулки. Судебная практика оказалась в центре нашего разговора.

В самом начале я декларировал экзистенциализм. В этом отношении самое яркое мое восприятие и показатель бытия Института в ситуации полного абсурда и трагизма. Переехал в Москву, живу на Кутузовском проспекте. Звонок по домашнему (о сотовых еще не знали). Из сектора или Александра Ивановна, или большая девушка Татьяна (не помню, кто из них) соединяет с Альбертом Семеновичем Пиголкиным. «Валерий Васильевич, у Вас овощи есть? К нам в институт картошку,

свеклу и капусту привезли». Беру бабушкину сумку на колесиках, на троллейбус и бегом. Институт находился в том корпусе, где когда-то была приемная Калинина. Во дворе очередь. Картошка дома была, а вот капустой на солку я отоварился. Но не о капусте и не о тех «козлах», которые смоделировали бредовую жизнь в столичном мегаполисе в лихие годы. Я о людях, которые проявляли заботу и душевную щедрость. О том коллективе, который мог с неизбывной веселостью отовариваться под кремлевской стеной не апельсинами какими-нибудь.

Сейчас тех, кому «60+» (а мне иногда кажется, что я принадлежу к этой категории), испытывают на продолжительную изолированность, которая, как утверждают, навевает экзистенциальные размышления по поводу значительности собственного бытия и одновременно понимание его бесполезности, трансформируемое в экзистенциальное уныние. Предлагают и выход из бессмысленного бытия — уход в трансценденцию. Может быть, и впрямь возвратиться к вопросу методологии, различению Existentia (существование) и Essentia (сущность), к мему, олицетворяющему первое слово, и мемологии, раскрывающей картинку земной жизни, начиная с первородного греха?

При этом не терять путь, обозначенный приверженцем философии экзистенциализма Мартином Хайдеггером в стихотворении «Мы будем ждать»:

Перед воротами в весенний сад
будем, прислушиваясь, ждать,
когда поднимутся жаворонки,
когда песни и скрипки,
журчание ручьев,
серебряно-звонкие
колокольчики стада
станут всемирным хоралом радости.

Информация об авторе

В. В. Лазарев, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор